

опровергну; во-вторых, я изложу взгляды, которые считаю принадлежащими Аристотелю и Комментатору; в-третьих, я устраню некоторые трудности; в-четвертых, я представлю (*recitando*) мнение, которого следует держаться согласно вере». Его вывод демонстрирует неуверенность в любой аверроистской позиции, касающейся личных убеждений автора трактата: «Пусть каждый хорошо поймет, что в этих сочинениях я говорю не утверждая, а лишь излагая (*pop dixisse asserendo, sed solum recitando*). На самом деле истина вещей заключается в том, что наша разумная душа есть субстанциальная форма и внутренне присущее человеку совершенство, которое внедрено в него актом творения, посредством Перво-принципа, благословенного во веки веков. Аминь». Здесь — все аверроистское, даже завершающее заключение.

Второй из итальянских аверроистов — Анджело из Ареццо (ученик Джентиле из Чинголи, комментатора Аристотеля) оставил нам сочинения относительно «Исагога» Пор-

523

5. Философский и политический аверроизм

фирия и «Категорий» Аристотеля. Примечательно, что Анджело нашел способ заключить свой аверроизм в трактаты по логике, куда его не было никакой необходимости вводить. Однако тексты, приводимые М. Граб-маном, не позволяют сомневаться, что он учил о единстве возможного интеллекта всего человеческого рода: «*intellectus possibilis separator a corpore tamquam perpetuum a corruptibili*»*. Разумеется, невозможно узнать, что он думал об этом сам: «*secundum intentionem Commentatoris et Aristotelis intellectus est unus numero in omnibus hominibus, licet hoc sit contra fidem*»**. Буквально эта фраза означает, что взгляды Аристотеля и Аверроэса противоречат вере. Кто может это оспорить?

Параллельно обсуждая вопрос о том, можно ли узнать, что число людей бесконечно, Анджело заявляет, что, согласно Аристотелю, оно бесконечно, ибо Философ уверяет, что мир вечен; отсюда следует, что не было первого человека и никогда не будет последнего. Но, тотчас добавляет он, «*quia hoc est erroneum et contra fidem, idcirco non teneas hoc*»***. Вот, оказывается, как можно выйти из затруднения, не выходя за пределы философии: вместо того чтобы ставить проблему о продолжительности существования мира, поставим ее только по отношению к числу ныне живущих людей. Тогда суть вопроса меняется, ибо Аристотель доказывает невозможность актуальной бесконечности; следовательно, невозможно, чтобы число актуально существующих людей было бесконечным. Еще одно «*excusatio vulpina*»?**** Возможно. Во всяком случае, это лишь уловка, которая никак не может быть согласована с теологией, поскольку она явно запрещает в том или ином виде ставить проблему по отношению к Вселенной с ограниченной длительностью существования, то есть для сотворенной Вселенной. Не менее любопытно, что Анджело из Ареццо представляет нам утверждения философов не как истинные, а как ложные. У него еще не сформулирована и не «обоснована» пресловутая доктрина «двойственной истины».

Тезис, обозначаемый этой формулой, был тем не менее в ходу во всех областях, под его влиянием находились даже политические учения. Совместный труд Марсилия Падуанского и Жана Жанденского — в основном первого — «Защитник мира» («*Defensor pacis*», 1324) является примером политического аверроизма — настолько совершенным, что больше нечего и желать. Исходя из классического различения двух целей человека, Марсилиус различает два соответствующих типа жизни: временная, земная жизнь, которой государи управляют согласно различным философским учениям, и вечная жизнь, к которой священники ведут человека с помощью Откровения (I, 4, 3—4). Потребности временной жизни удовлетворяют цехи ремесленников и необходимые для общественных